

Дисплейный текст как форма сетевого общения

В.Г. Костомаров

Нынешняя техногенная эпоха подарила людям чудесную возможность хранить знания не только в письме и чтении, но и более естественно, наглядно и красочно. Аудио-видеозаписи, кино и телевидение, мобильная телефония, компьютер, и особенно интернет коренным образом меняют исторически сложившееся языковое существование людей. Библиотеки стали хранилищами отнюдь не только библиос (книг), но и карт, рисунков, фильмов, кассет, дисков, флешек, различных оцифровок аудио- и видеозаписей.

Весь мир теперь фиксирует, хранит, воспроизводит информацию в виде живых актов общения, создавая даже иллюзию соучастия. Телевидение вслед за кино открыло законы органичного сплава языка (звука и письма, интонации, характера произнесения и пр.) с «иконкой» – изображением, цветом, движением и прочими носителями смысла. Многие видят в этом угрозу существованию книги (дети не хотят читать!), медиологи полагают, что в истории человечества господство звучащего слова и затем рукописного и печатного текста сменяется звукоизобразительностью. Однако не следует забывать, что письмо и рожденная им богатейшая изощренная книжность отнюдь не погубили первородное звучащее слово. Может быть, лучше думать, что, наряду с устной и письменной коммуникацией воцаряется новая ее форма – *сетевая*. В настоящее время очень важно добиться органического соотношения этих трех сфер коммуникации.

Наблюдая за телевидением, как наиболее сложившейся аудио-графо-видео сферой, можно признать наиболее очевидным признаком сетевого общения тексты принципиально нового строения. Их отличают: вовлечение *языковых* (звуковых и письменных) и *внеязыковых* носителей смысла, упорядоченное чередование единиц разного потенциала (*информем* и *экспрессем*), *блочный синтаксис* и расчленение на удобовоспринимаемые *клипы* (по образцу монтажа кадров в кинофильмах), жесткая *конструктивность*, своеобразная *аномия* (ограничение значения слова, поддерживаемое сопроводительной картинкой), другие признаки.

Стремясь быть интересными и доступными, массовокоммуникативные тексты имитируют межперсональный акт общения элементами разговорного диалога, приметами интимности, непринужденности, доверительности. В то же время, не ограничиваясь повседневно-жизненной и художественно-литературной тематикой, они вынуждены обращаться к книжному языку высоких материй – научных, официальных, государственно-политических.

Положение этих текстов среди таких объектов стилистики, как письменная и устная формы текста, книжная и разговорная разновидности самого языка весьма своеобразно. Авторы, обратившие на них внимание, именуют их *синтезирующими*, *синтезированными* и даже *синтетическими* (что разумно подчеркивает две их стороны – «полученные путем синтеза» и «искусственные»), *диффузными*, *креолизованными*, *экранными*. Последнее не кажется удачным: хотя они предъявляются на экране, он чаще служит носителем, наряду с бумагой, привычных буквенно-алфавитных текстов, как например, в «электронных книгах». Нам кажется наиболее удачным назвать их *дисплейными*.

Явление дисплейных текстов уже давно замечается многими. Е.С. Кара-Мурза пишет о присущей сегодняшнему обществу «аномии» – ситуации размывания и пересоздания законов и правил, прежде всего языковых и стилистических (Кара-Мурза, 2002). С.И. Ильясова в своей докторской диссертации выдвинула даже концепцию двух литературно-языковых норм – «словарной» и «ситуационной», причем вторая безоговорочно оправдана как неизбежная перспектива (Ильясова, 2002). Взвешенную оценку утраты «обычного (и привычного) нейтрального русского слова» в масс-медиа дала О.А. Лаптева в докладе «Русское слово журналиста» (Лаптева, 2003). Принципиальное качество дисплейных текстов – сознательное обращение к невербальной передаче – смысла находим в авторитетной книге американских исследователей, убедительно возводящих его к изобретательству в газете как прародительнице языка массовой коммуникации вообще (Barnhurst, Nerone, 2001; глава «Visual Mapping: Modern Design and Cultural Authority [1920–1940]»). Это обстоятельство лежит, несомненно, в основе рождения дисплейной формы вообще.

В принципе любой текст может быть осуществлен в любой форме. Так, разговор (нормально почти исключительно устный, но сегодня нередко ведущийся в эсэмэсках и интернет-чатах; забудем, что многие видят в этом «издевательство» над привычной орфографией) или книжный текст (чаще

всего письменный, но сегодня не реже, пожалуй, реализуемый в звуке) могут порождаться и существовать в дисплейной форме (будь то радио, экран, компьютер, цифровая запись). Хотя эта форма до сих пор преимущественно ассоциируется с массовой коммуникацией.

Неприятие нового, особенно старшими поколениями, – отнюдь не миф. Показательно недавнее сообщение о судьбе творческого наследия И.Бродского: «С текстами все в порядке... Продолжается работа с аудиозаписями и другими нетекстовыми материалами». Школьная традиция признает текстом исключительно книжные тексты, а не вообще любые фиксации опредмечивания коммуникативного действия и полученной в нем содержательной и чувственной информации. Абсурдно не считать текстом стихи, которые поэт декламировал перед микрофоном или видеокамерой, но не удосужился записать на бумаге, да еще подвергнуть их редакции. Даже юристы признают доказательством слухозрительные записи устных разговоров.

Дисплейные тексты – очевидное порождение массовой коммуникации, однако невозможно прямо и однозначно увязать их с нею. Сегодня то же техническое опосредование служит чатам, скайпу интернета, звуковым разговорам мобильных телефонов и эс-эм-эс, в которых письмо все меньше соблюдает существующую орфографию. Сетевая коммуникация властно ворвалась в повседневное групповое и межличностное общение, что сейчас особенно очевидно в блогосфере. Разумеется, это сопрягается со сдвигами в функционировании и даже составе языка, которые пока еще не только не исследуются, но просто не замечаются или с негодованием отвергаются. Из плана сопоставления дисплейных текстов и книжных, оформленных букво-алфавитным письмом и даже озвученных, читаемых вслух, жизнь требует перейти в план соотношения персональной, которая перестала быть преимущественно устной и контактной, и массовой коммуникации, которая уже очевидно не только письменная.

Иными словами, сегодняшнее «языковое существование» общества не ограничивается личностной (отчасти групповой) и массовой (во многом тоже групповой) коммуникацией. В нем бурно развивается именно сетевое общение, как массовое, так и индивидуальное. Соответственно следует ожидать нового соотношения разговорной и книжной разновидностей литературного языка, и их взаимодействие и взаимопроникновение (не только в сетевой коммуникации!) уже с очевидностью наблюдается.

Ощущая все же некую неловкость от своеобразия языка в дисплейных текстах массовой коммуникации, мы склонны обвинять журналистов в отсутствии стилистического слуха, в порче литературного языка. Наивно полагая, будто всегда и всюду действуют одни и те же законы применения языка, мы недоумеваем, сталкиваясь с нелепыми переносами специфических законов его функционирования в mass-media, столь мощно и бесконечно вторгающихся каждый день в нашу жизнь. Мы злорадно выискиваем в газетах, радио- и телепередачах ошибки, несуразности, действительные или мнимые неудачи, но нам не приходит в голову собирать, цитировать их удачные фразы, находки, тексты, которых, безусловно, не меньше. По своей общественной природе именно mass-media всегда, а в нашу карнавальную эпоху особенно – это опытная (чаще всего смеховая) лаборатория опробования потенций языка. В ходе экспериментирования неизбежны чудачества, но встречаются и чудеса, которые – не менее, чем художественная литература, – обогащают и общий литературный язык.

В то же время никоим образом нельзя одобрить модное сегодня бездумное перенесение языковых особенностей дисплейных текстов на тексты иного оформления. Законность своеобразного функционирования языка в дисплейных текстах и незаконность бездумного, неосторожного распространения характерных особенностей такого рода текстов на тексты в других формах кажутся очевидными, потому что они находятся сегодня в разных весовых категориях. Оказавшись в зоне абсолютистского влияния mass-media, мы все – вольно или невольно ориентируемся на их язык как на образец для всеобщего подражания. Определенная деформация языка в текстах дисплейной формы, так же как, скажем, обособление языка в письменных текстах науки, производства, бизнеса, делопроизводства, в устных текстах непринужденно-естественного быта или в художественных, поэтических текстах, в конечном счете представляется неизбежной. Напомним, что принято даже говорить о разных «языках» (о «книжном языке» с его прагматическими стилями, о «разговорной речи», о «языке художественной литературы») или, что достойнее, о разновидностях применения единого русского языка. Не породят ли дисплейные тексты (подобно тому как письменные тексты породили книжность) еще одну разновидность применения единого русского языка – «массовокоммуникативную»? Главной ее особенностью, как нетрудно предугадать, будет принципиальная техническая опосредованность и принципиальная способность к синтезу (во всех значениях этого термина,

давшего определения синтезированных, синтезирующий и синтетический) текстовых форм, разновидностей применения языка, неязыковых носителей и передатчиков смысла, прежде всего звука и изображения.

Вряд ли при этом утерется книга и книжный язык потому что дисплейные и книжные тексты различаются по характеру восприятия. Стоит вспомнить, что звуковое общение не исчезло с появлением письменной книжности.

Книжные тексты передают информацию косвенно, возбуждая в читателе разум и воображение, знания и впечатления собственного жизненного опыта, домысливание, догадку, критическую оценку. Чтение книг, то есть их дешифровка, – это напряженная работа, которой надо специально обучать, но зато получаемые сведения становятся частью сознания и мировоззрения личности. Лучше усваивается полученное трудом.

Разумеется, характер чтения зависит и от того, что читается. Ведь чтение – это и восприятие массовокоммуникативных текстов, прежде всего газеты, являющейся родоначальницей массовой коммуникации в нынешнем понимании слова. Еще И. Кант придавал чтению газет (в отличие от чтения серьезных книг) отвлекающее значение, для отдохновения. Надо думать, что «чтение» таких массовокоммуникативных источников, как газета, тем более реклама, отличается от настоящего чтения. В то же время несомненно, что отнюдь не все тексты, получаемые с экрана (который служит и просто носителем письменных текстов, целых книг для истинного чтения), – это тексты в дисплейной форме.

Учить восприятию дисплейных текстов, имитирующих контактное общение, не надо, зато получаемая информация часто скользит мимо сознания, не вызывая скепсиса, слабо задерживается в памяти даже кратковременной и редко переходит в долговременную, связанную с составлением собственного мнения. Затмевается сиюминутность, преходящность, часто мимолетность и поверхностность сведений, не прошедших проверку разумом; они явно не становятся органичным элементом сознания. Этим дисплейные тексты отличаются от естественного прямого устного общения, где есть непосредственное участие, и от книжных текстов, в которых для постижения смысла требуется разум, воображение, усидчивость. Привычка получать информацию в легкой для восприятия форме невольно отучает от умственного напряжения, необходимого при чтении. Потребитель дисплейных текстов («user») забывает, что они крайне опосредованны, что на самом деле он видит лишь то, что ему показывает

оператор, режиссер, редактор, монтажер, в конце концов, владелец канала. Даже если они и далеки от сознательной манипуляции его сознанием, он лишен существующей при чтении возможности критически обдумать, трезво взвесить ценность и истинность ярких клипов, рекламно-красочных сведений, эмоционально поддержанных музыкой, цветом, движением, изображением. Он не может даже просто переспросить что-либо как при непосредственном живом общении, которое имитируют телеведущие. Трудно сказать, меняют ли ситуацию разные способы компенсации отсутствующей «обратной связи» – звонки в студию, ток-шоу с приглашением телезрителей, «поля чудес» и тому подобные приемы.

Таким образом, информация из дисплейных текстов получается непосредственно, без специальной подготовки. Благодаря легкой доступности, краткой дробности, яркости дисплейные тексты создают своеобразную мыслительную сферу (некое «клиповое мышление»). Они отличны от естественных разговорных и от книжных, но в то же время зависимы и от тех, и от других. Форма их осуществления своеобразна, подчеркнута связана с техническим опосредованием. Однако, при всей своей доступности, легкой воспринимаемости и других достоинствах дисплейные тексты не заменяют книгу в воспитании личности, они противопоказаны для философии и поэзии, для души и религии.

Совершенно очевидно, что тексты в разном оформлении не взаимозаменяемы. У них есть свои достоинства и недостатки (вспомним еще «тексты» театрального, балетного, мимического действия, живописи, музыки), и они должны мирно сосуществовать и дополнять друг друга для воспитания полноценных людей. В этом свете ясно, что волнующая людей дилемма «книга или дисплей» некорректна. Книга и Дисплей (как и разговорное звучащее слово) обречены жить и развиваться в содружестве. Задача ввести эти соображения в образование становится принципиальной.

Сейчас модно ругать детей, которые мало читают, но они не стали хуже, они просто предпочитают меньше напрягаться и веселее жить. В данном случае необходимо возрастное опережение: сначала научить читать, а потом допустить до компьютера, причем отдавая себе отчет, что дети в обоих случаях будут играть, а не вдумчиво постигать серьезные материи. Важно создать общее мнение, что грамотно писать столь же престижно, что и владеть компьютером, что быстро искать нужное в Google так же достойно, как и в словаре или энциклопедии. Задача научить совмещать эти навыки имеет общечеловеческий характер и активно осмысливается. Обход фазы умственного напряжения и критичности восприятия открывает

в потенции возможность отвлечения от подлинного смысла, а то и случайного или сознательного искажения его, незатрудненного навязывания чуждых идей, оболванивания неопытного зрителя. Но и без злого умысла легкость и мнимая убедительность экранной информации ведет к болезненному дефициту внимания – ADD (Attention Deficit Disorder). В США активно ищут способы борьбы с этим ранее редким заболеванием, сейчас охватывающим массы детей и подростков.

Конечно, и у книги есть схожие недостатки (вроде «чтения взапой»), но они не столь остры. Не подменяя собою чтение, телевидение и Интернет обязаны поднимать его престиж, обучать ему. Ведь и сами электронные средства организационно и содержательно опираются на письменную книжность.

В заключение можно сказать, что утрата письменностью роли единственного и потому обожаемого способа фиксации и хранения добытого в общении людей знания не может игнорироваться. В то же время вербально-картинно-образная передача информации во многих случаях оперативнее и желательнее при нынешних быстротекущих событиях и автоматизации. Разве плохо быстро получать нужные сведения и справки в краткой и яркой форме?

Дисплейные тексты, не покушаясь на книжные, завоевали свое место в нашей жизни, а их отрицательные (впрочем, так уж обязательно отрицательные, просто непривычные?) свойства сожигаются и с несомненно положительными. Добиться мирного сосуществования и сотрудничества всех каналов умственного обогащения – важнейшая задача семьи и школы, всего общества, обязанного во имя здоровья будущих поколений строго структурировать современное информационное пространство, создавая единую систему хранения и передачи знания.

Литература

- Ильясова С.И.* Словообразовательная игра как феномен современных СМИ: Дис. ... д-ра филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2002.
- Кара-Мурза Е.С.* Русский язык и современная потребительская реклама // Журналистика и культура на переломе тысячелетия. – М., 2002.
- Лаптева О.А.* Русское слово журналиста. / О. А. Лаптева // Журналистика и культура русской речи. Слово в семасиологическом, прагматическом, социокультурном аспектах. -М., 2003. С. 57-60.
- Barnhurst K.G., Nerone J.* The Form of News [A History]. – N.Y.–London, 2001

